

ШРАМЫ ПАМЯТИ

Заметки о фильме Николая Губенко «Подранки»

Литератор Алексей Барте- ньев спустя много лет после войны разыскивает братьев, Дениса и Сергея, которых по- терял в детстве, когда «соро- ковые, роковые», как попало, тасовали жизни и разрушали семьи. И он их находит: один брат, оказывается, преуспе- вающий архитектор, другой — преступник рецидивист, один живет в свое удовольствие, другой отбывает тюремный срок. Такова сюжетная канва картины Николая Губенко «Подранки». Нынешние встре- чи между Алексеем (Ю. Буда- райтис), Денисом (А. Калы- гин), Сергеем (Г. Бурков) сви- детельствуют только об од- ном: они трое теперь друг другу совсем чужие, они — бывшие братья. Смогут ли сыз- новни сблизиться, вновь пород- ниться? Губенко оставляет от- крытым этот вопрос.

Меж тем, указывая, что три судьбы разошлись в разные стороны, автор фильма лишь обозначает отправной пункт, откуда начинается его путе- шествие в прошлое. От имени своих сверстников Губенко рассказывает, как они, дети, вступили в мир, опаленный дыханием войны. Режиссер обнажает неизгладимые шра- мы памяти.

Оглядываясь назад, он повествует о беде, оглостки которой слышны и нынче, о трагедии, затронувшей судьбы нескольких поколений. При этом режиссер не забывает, что речь идет о детстве, о дет- стве, и детская неистребимая воля к жизни отзывается в картине проблемскими надеж- ды, веры в будущее, внезап- ными ответами юмора.

Трагедия движется не тор- жественной поступью, а са- мой будничной походкой, без всякой умышленной велича- вости, то и дело перебиваемая ребячьим озорством. Тем остр- ее боль, тем отчетливее правда. Ушедшие годы возвраща- ются в кадр, будто омытые печалью и нежностью, в

сложном переплетении моти- вов трагических и комиче- ских.

Нельзя позабыть горький, сухо и медлительно разыгран- ный эпизод: изголодавшийся, потерявший родителей маль- чик Алеша, чья доля и беда пронизывают всю картину, выхлебав тарелку супа, про- сит «еще капельку», а Тася, полнотелая, наглая и жадная баба (ее роль Н. Гундарева ведет с обдуманной беспощад- ностью точного мастерства), выполняет его просьбу бук- вально, то есть роняет только одну каплю, ровнехонько кап- лю добавки на дно тарелки.

Но вот совсем иная по на- строению сценка в интернате. Учительница Алла Константи- новна (Ж. Волотова) ведет урок зоологии. Перед нею чу- чело грача. Пока она растол- ковыкает замурзанным, исто- щенным и бледным детишкам, как устроено крыло птицы, двое сзорников успевают по- менять чучело обыкновенным живым грачом. И, когда учи- тельница протягивает руку к «наглядному пособию», грач, шевельнув крылом, громко каркает. Учительница валится в обморок.

Подобных моментов мно- жество: острый мальчише- ский взгляд безошибочно улав- ливает неизбежные слабости и оплошности поведения педа- гов, по преимуществу не- давних фронтовиков, которых война отправила в тыл. Да, почти все они поневоле заня- ты не своим делом, не облада- ют ни знаниями, ни опытом, не умеют ни учить, ни воспи- тывать... Но выбора им не да- но: на! Актеры, затаив грустную и снисходительную улыбку сочувствия, знако- мят нас поочередно с каждым из них — с директором интер- ната, чья энергичная речь и видимая твердость призваны скрыть неуверенность (Б. За- кариядзе), с вдохновенным и прекраснотным учителем литературы (П. Крымов), с

бывшим краснофлотцем, ныне энтузиастом военного дела, зычно командующий: «Корот- ким коли!». Длинным коли!..» (Р. Быков), с горемычным за- возом-инвалидом (Е. Евстигне- ев), с воспитателем Криворуч- ко (Н. Губенко), одержимым манией армейской дисципли- ны, которой он пытается под- чинить мальчишек.

В интернате, где совершают- ся самые важные события фильма, взрослые, которым вверены детские души, и дети, им подчиненные, порой отно- сятся друг к другу не как друзья. Чаще всего ни взрос- лые, ни дети в этом неповин- ны: ведь каждого из них вой- на задела жестокой рукой. И малолетние мальчишки — тот же Алеша или его дружок Валя Ганьдин — отнюдь не ти- хие ангелы. Их проделки ко- гда забавны, а когда и опас- ны. Валя Ганьдин решается, например, — ни больше, ни меньше! — взорвать целый ла- герь военнопленных, распо- ложенный по соседству с интер- натом. Так хочет сын отом- стить гитлеровцам за изувер- ское убийство отца. Связка динамитных пашек и правды взрывается, но смерть уносит лишь самого Валу Ганьди- на — мальчика с тонким оду- хотворенным лицом будущего поэта...

Гибель друга — величай- шее погрязение в жизни Але- ши. Увы, не единственное. Удары судьбы обрушиваются один за другим. Первая, роб- кая, восторженная любовь мальчика обращена к учитель- нице Алле Константиновне, а учительница влюблена в пре- подвателя Криворучко, и Алеша случайно становится невольным свидетелем их жар- ких объятий. А мы, понятно, смотрим на Криворучко гла- зами Алеши. Гуповатое ли- цо, пошлая ухмылка, нароч- ито бравая походка, шля- па, сдвинутая набок, перча- тки, которые он никогда не снимает. Самонадеянный,

вульгарный, ограниченный че- ловек... Вдобавок же именно Криворучко пытается ото- брать у Алеши кортик, и тут он тоже действует грубо, при- митивно: иначе не умеет. Нервный и вспыльчивый маль- чиска сопротивляется отчаян- но, ведь кортик — предмет свя- щенный, хранимый тайно, па- мять о павшем отце. После короткой борьбы разгневан- ный воспитатель бьет мальчи- ка по лицу, а тот кричит вос- питателю: «Фашист!»

Инцидент разбирает совет педагогов интерната. Реше- ние: изгнать Криворучко за рукоприкладство. Мы, зрите- ли, в этот момент готовы тор- жествовать, мы вместе с Але- шей уже презираем его мучи- теля. Но тотчас же Алеша видит нечто совершенно неве- роятное: его враг, посрамлен- ный и униженный, рыдает в темном коридоре, содрогаясь, громко всхлипывая, закрывая лицо руками. Как и Алеша, мы замечаем вдруг обгорев- шие скрюченные пальцы бы- вшего танкиста. Вот когда Гу- бенко-актер и Губенко-автор фильма наносит нам самый сильный эмоциональный удар. Сразу становится ясно, что и взрослый, который представ- лялся нам палачом, и маль- чик, который виделся нам жертвой, оба ранены в од- ном бою, обожжены одним огнем... Алеша, конечно, пой- мет это не теперь, после, ко- гда пройдут годы, когда он, «подранок», станет писателем Бартењевым или режиссером Губенко.

Картина, обращенная в про- шлое, приближает его к нам, нынешним, без сантиментов, без умиления, честно и прямо. Она говорит о том, какой це- ной оплачена сегодняшняя на- ша жизнь, и, значит, о том, какая ответственность ложит- ся на плечи молодых, кото- рым дарован мир без войны.

К. РУДНИЦКИЙ.

«Коммунистическая правда»
1977, 22 сент. 1977